

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ альбомѣ Н. И. Поливанову.

Послушай! вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.

И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой... и тайно грудь
Вздохнеть — и вдругъ заплачуть очи.

И молвишь ты: когда-то онъ,
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенье!

М. Я.

Напечатанное здѣсь въ первый разъ стихотвореніе покойнаго поэта относится къ послѣднему году его нахождения въ московскомъ университетѣ. Изъ приписки, сдѣланной на томъ же листкѣ моимъ отцомъ,¹⁾ видно, что 28-го марта 1831 года М. Ю. Лермонтовъ написалъ эти строки въ его комнатѣ, ночью, когда, вслѣдствіе университетской шалости, онъ ожидалъ себѣ строгаго наказанія.²⁾ Ша-

¹⁾ Николай Ивановичъ Поливановъ, полковникъ гвардіи, умеръ въ отставку, въ Казани, 7-го декабря 1874 года.

²⁾ См. разсказъ объ этой исторіи г. Дудышкина (соч. Лермонтова, изд. 1863 г., т. II, стр. VI). Другіе разсказы и сужденія о нихъ можно читать въ статьѣ г. Пыпина (соч. Лермонтова, изд. 1873 г., т. I, стр. XXIII—XXV). Нельзя не подивиться, что до сихъ поръ никто не потрудится собрать хотя официальныя свѣдѣнія объ этой исторіи; вѣдь для этого достаточно простой канцелярской справки въ архивъ московскаго университета. Не вызоветъ-ли разъясненія хотя настоящая наша замѣтка, подобно тому какъ, благодаря сообщенію Н. П. Розанова («Рус. Ст.» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 113—114), окончательно разъяснился вопросъ о годѣ рожденія Лермонтова. Ред.

лость эта состояла въ томъ, что Лермонтовъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, поднялъ на смѣхъ, во время лекціи, странности одного нелюбимаго ими профессора Малова, читавшаго теорію уголовного права. Любимою и обыкновенною темою его лекцій было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи Маловъ начиналъ словами: „человѣкъ, который“... и заставлялъ студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: „человѣкъ, который“. Студенты не любили профессора. Однажды, едва Маловъ взошелъ на кафедру и началъ обычное „человѣкъ, который“... Студенты зааплодировали и крикнули „foга“... „прекрасно“. Это повторялось всякій разъ, какъ только Маловъ раскрывалъ ротъ. Маловъ, обращаясь къ студентамъ, говорить: „гг., я долженъ буду уйти“, а ему кричать: „прекрасно“. Маловъ идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: „человѣкъ, который“... „bis“... „прекрасно“ и проводили его, такимъ образомъ, довольно далеко. По жалобѣ Малова, въ числѣ исключенныхъ былъ, какъ думаютъ, и Лермонтовъ. Изъ воспоминаній моего отца ничего, къ сожалѣнію, не сохранилось, относящагося къ этому именно времени, тѣмъ не менѣе самый фактъ исключенія Лермонтова изъ университета ему казался сомнительнымъ. При господствовавшей тогда строгости въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, врядъ-ли могъ бы „исключенный“ изъ высшаго учебнаго заведенія быть безпрепятственно принятъ въ школу гвардейскихъ офицеровъ. Переходъ же Лермонтова совершился безъ всякихъ затрудненій и онъ, совершенно неожиданно для своихъ бывшихъ московскихъ товарищей, явился въ Петербургъ, чтобы готовиться къ вступительному экзамену. Въ выборѣ имъ новой дороги не слѣдуетъ видѣть никакого слѣдствія горькой необходимости. Правда, что если университетская исторія и не имѣла для него такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ формальное исключеніе, то за ней, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать окончательное вліяніе на рѣшеніе его поступить въ военную службу. Къ этому располагалъ общій духъ времени и близкіе ему примѣры сверстниковъ. Путь этотъ всего скорѣе могъ удовлетворить самолюбивый характеръ поэта и доставить ему обширное поле сильныхъ ощущеній, чего давно жаждала его страстная и подвижная натура. Выраженные имъ около этого времени, въ письмахъ, взгляды весьма рельефно характеризуютъ ту будущность, которую ожидалъ Лермонтовъ. Въ одномъ онъ говорить, „что лучше же умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія старости“; въ другомъ, писанномъ немного раньше перваго изъ Петербурга, онъ, разсказывая о своей скукѣ, о томившихъ его сомнѣніяхъ, говорить между

прочимъ: „тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожнымъ человекомъ, меня мучитъ“. Поводомъ, впрочемъ, къ такому мрачному настроенію могла послужить отчасти неудача, постигшая Лермонтова на первыхъ порахъ его пребыванія въ школѣ. Ъздивши разъ въ манежѣ, онъ неосторожно приблизился къ одной лошади, такъ сильно его лягнувшей, что у него оказалась переломленною кость лѣвой ноги ниже колѣна. Для поправленія здоровья ему разрѣшено было переѣхать домой, откуда онъ держалъ экзаменъ прямо въ первый классъ, которыхъ было въ школѣ два. Переломъ ноги долго держалъ больного въ постели и, несмотря на самый внимательный уходъ, не прошелъ для него безслѣдно: при общей кривизнѣ ногъ, одна осталась болѣе выгнутой, чѣмъ другая. Жилъ тогда Лермонтовъ на квартирѣ у своей бабушки, на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ мостомъ, въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается правленіе „Общества заклада движимыхъ имуществъ“. Изъ пріятелей и товарищей по школѣ, навѣщавшихъ его во время болѣзни, чаще всего были мой отецъ, также Н. Д. Юрьевъ, его родственникъ, и братья Столыпины.

Здоровье его хотя медленно, но поправлялось, а съ нимъ возвращались силы и всегдашняя рѣзвость Лермонтова. Однимъ, всегда изъ самыхъ любимыхъ имъ упражненій было — фехтованье. Рѣдкое посѣщеніе, по словамъ моего отца, обходилось безъ того, чтобы они не дралисьна ра пирахъ. Какъ раньше, такъ и въ школѣ, отношенія ихъ были самыя дружественныя. Несмотря, потомъ, на различіе полковъ,¹⁾ въ которыхъ они служили, они постоянно между собою видѣлись и другъ отъ друга никогда не имѣли никакой тайны. Если когда-нибудь было сомнѣніе въ искренности характера Лермонтова, то никакъ этотъ упрекъ не можетъ быть сдѣланъ ему отъ лица тѣхъ, къ кому онъ имѣлъ дѣйствительное расположеніе и могъ на него рассчитывать взаимно. Воспоминанія объ Лермонтовѣ всё несомнѣнно дороги, а потому я рѣшился записать и настоящія, слышанныя мною отъ покойнаго отца, которыя современемъ, при составленіи полной біографіи поэта, могутъ пригодиться.

Сообщ. В. Н. Полизвановъ

¹⁾ Отецъ вышелъ въ лейб-уланскій, а Лермонтовъ—въ лейб-гусарскій полки.
В. П.